

ЖЕРТВА — СОБСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК

Много лет я слежу за тем, с какой скрупулезностью ученые доказывают, что алкоголь пагубно влияет на потомство. Кажется бы, все ясно: рюмки водки бывает достаточно, чтобы у практически здоровых родителей родился неизлечимо больной ребенок. Это давно исследовано, проверено и перепроверено. Однако каждый автор, пишущий на данную тему, считает своим долгом вновь приводить яркие, часто уже приводившиеся примеры, порой без ссылок на первоисточники. Грешен, то же делал и я в серии своих выступлений на эту тему. В самом деле, на кого сошлешься, когда утверждаешь, что согласно мифологии Вулкан родился хромоногим, так как был зачат Юпитером, когда тот находился в состоянии опьянения? Или рассказываешь, что римляне писали на стенах домов алкоголиков слова Плутарха: «Эбрии эброис гигнунт» — «Пьяницы рожают пьяниц»? Эти и еще десятки, если не сотни, примеров считаются хрестоматийными, и потому без боязни быть уличенными в плагиате приводят их все. Примеры нужны, чтобы подкрепить мысль: проблема беспокоит человечество давно.

Однако продолжает расти число специальных трудов, научных монографий, газетных и журнальных выступлений. Не остаются в стороне и такие могучие средства массовой информации, как радио и телевидение...

Короче, мы тратим уйму сил и средств, но в итоге, выходит, бьем мимо цели.

После серии публикаций о проблеме «пьяного зачатия» я совершил путешествие по некоторым регионам страны. Побывал во многих вспомогательных школах, встречался с родителями, чьи дети страдают олигофренией — слабоумием. Разные семьи, разные дома. Одинаковы лишь судьбы.

Вот одна из них.

Шестеро детей. Четыре сестры и два брата. Двое уже окончили вспомогательную школу. Остальные еще учатся в разных

классах. С тремя девочками и мальчиками я встречался в школе. Похожи друг на друга.

Трехкомнатная квартира. Нехитрая ветхая мебель. Старый с маленьким экраном телевизор на тумбочке. Паутина в углах комнат. Почерневший от дыма потолок. Беседуем с хозяйкой дома. Она говорит и как-то пугливо озирается. На вопрос о том, знали ли они с мужем о влиянии алкоголя на потомство, лишь пожимает плечами:

— Ну, а почему бы не пить? Не грех ведь. Отец мой был уважаемым человеком на селе. Кузнецом был. С самого детства помню: от него всегда пахло водкой. Ну, а как же иначе? Мужчина ведь, не баба. Что же касается меня, то я пью лишь по субботам и воскресеньям с мужем.

— А муж?

— Что муж? Муж, как и отец мой, — каждый день. Он работает на заводе. Портрет его висит на доске...

А немного погодя выяснилось, что старший их, двадцатипятилетний сын погиб на улице. Напился и уснул в мороз. И старшей дочери тоже нет в живых: выпила утром уксус (спутала эссенцию с водкой) и умерла в больнице.

Часа через полтора явился отец семейства. Лет пятидесяти пяти. Высокого роста. Сутуловатый. Нездоровый, серый цвет лица. Жена вскочила с места, бросилась в кухню. И уже мы не видели ее.

Хозяин дома визит наш принял с нескрываемым раздражением и подозрением.

— А почему, собственно, ко мне только? Разве только мои дети находятся в желтой школе?

— Почему желтая?

— Так ее называют в нашем городе.

— Ваши дети не одни, конечно. И мы посетили многих. Но, к сожалению, у вас шестеро...

— Это все она, — собеседник показал в сторону кухни.

— Почему она?

— Весь ее род — одни психи.

— Вы сегодня пили?

— Я всегда выпиваю. А что, нельзя, что ли? Чай, за свои, не за чужие.

— Можно, почему нельзя. Только не всегда. Знаете ли вы, например, что пьянство влияет на потомство? Рождаются ненормальные дети.

— Скажете тоже! Если бы так, людей нормальных не было бы на Земле...

Шестеро больных детей родились за четверть века от людей, злоупотребляющих спиртным. И за все это время никто ни разу не сказал им ни слова о «пьяном зачатии». А науковеды утверждают, что именно за последнюю четверть века на эту тему в мире было написано больше, чем за все предшествовавшие столетия.

Второй пример. Четырнадцатилетняя Света Ч. училась в четвертом классе. Школа, так сказать, нормальная, общеобразовательная. Только вот Света не могла учиться. Ее часто видели на улице... пьяной. Неоднократно приводили в милицию за воровство. Однажды украла дома восемьдесят рублей, купила водки и напилась вместе со своей младшей сестрой Наташей. Я беседовал с девочками. Они удивлялись и словам моим, и вопросам. Взхлеб рассказывали, как отец напоил водкой маленького брата, семилетнего Вову, и выпустил того на улицу.

У Ч. было семеро детей. самого маленького, как сказано в одном из документов комиссии по делам несовершеннолетних, «уступили» другим.

Дважды я заезжал домой к Ч. и оба раза не смог поговорить с родителями. Хозяйка дома, что называется, лыка не вязала. Хозяин лежал трупом на кровати поверх одеяла. Лежал одетый, в сапогах. Беседа наша состоялась в милиции. Оба родителя то и дело произносили одну фразу, вернее, начало фразы: «По какому праву...» Мол, по какому праву люди вмешиваются в нашу семейную жизнь, по какому праву хотят отнять у нас детей. Были, конечно, и набившие оскомину: «Пьем на свои...», «Будем жаловаться». А на то, что их четырнадцатилетняя дочь учится в четвертом классе, что их дети вообще отстают в умственном и физическом развитии, им было наплевать. Я спросил:

— Приходилось ли вам читать в газетах или журналах о том, что алкоголь губит детей? Что от алкоголиков рождаются ненормальные дети?

— Я в газету заворачиваю селедку, — сострил муж.

Жена же пожала плечами. Сделала удивленные глаза: мол, в первый раз слышу об этом.

Проблемой семьи Ч. занимались соответствующие органы. Отца и мать Ч. лишили родительских прав. Дети находятся на государственном обеспечении. Нездоровые дети.

К великому сожалению, с такими судьбами во время моего путешествия я встречался довольно часто. Вновь и вновь выяснял для себя, что большинство родителей просто понятия не имели о проблеме «пьяного зачатия».

Только по моим расчетам, за последние десять лет на эту тему писало около тридцати изданий. Многие — по несколько раз. Общий тираж — без малого миллиард. В то же время из ста девяноста шести родительских пар, с кем доводилось мне беседовать, сто восемьдесят семь (95%) никогда ни строчки не читали о «пьяном зачатии». В семидесяти девяти (40%) семьях кто-то из родителей или оба имеют высшее или среднее специальное образование. Среди них есть инженеры, педагоги, даже врач.

Особо хочется рассказать о враче. Родился в Ашхабаде. Окончил Ростовский медицинский. Трое детей. Старшая окончила школу с серебряной медалью. Сейчас учится в Политехническом. Учитесь отлично. Двое других детей — мальчик и девочка — посещают вспомогательную школу. Все тот же знакомый диагноз — олигофрения.

Мне почему-то подумалось, что отец не захочет со мной беседовать. Тема-то, что и говорить, не из легких.

— Не припомните ли, что именно читали о самой проблеме?

— Статьи в центральных газетах. И то с величайшим опозданием.

— А в институте?

— А что вы сами знали в институте об этом? — ответил он вопросом на вопрос.

Я пожал плечами. Призадумался. В самом деле, не могу припомнить, чтобы в медицинском институте, который я окончил, хоть кто-нибудь нам, студентам, говорил что-нибудь о проблеме «пьяного зачатия». Почему-то считалось (да и считается сейчас), что этим должна заниматься служба санитарного просвещения. И только. Странная позиция. О какой санпросветработе, о какой пропаганде среди населения может идти речь, если сами врачи ничего не знают о сути проблемы? Если они о ней узнают из периодической печати? Узнают случайно и, как мы видим, «с величайшим опозданием». Что же говорить о «простых смертных»? И как, с помощью каких средств доводить до них информацию, которую нельзя не знать? Верно сказано у Вергилия: «Мы должны стремиться не к тому, чтобы нас всякий понимал, а к тому, чтобы нас нельзя было не понять».

В свое время в печати сообщалось о том, как по заказу Министерства юстиции Армении в республике была выпущена

брошюра, в которой рассказывалось о жертвах пьяного зачатия. Брошюру написал я и назвал ее «Открытое письмо новобрачным». По распоряжению министра юстиции крохотную книжицу начали вручать будущим супругам, когда те приносили заявление в загс. С тех пор прошло около двух лет. Вместе с загсовскими работниками мы встретились со многими из тех, кто тогда получил брошюру. Все без исключения наши собеседники, среди которых были уже свежеспеченные отцы и матери, утверждали, что прочитанное запомнили навсегда и ни за что никогда не посмеют нарушить запрет, заводя ребенка.

Мы не можем успокаивать себя тем, что, видите ли, уже выступали на эту тему. Мол, долг свой выполнили. Это, как говорится, не тот случай. Если у нас в стране ежегодно справляется, к примеру, более двух с половиной миллионов свадеб, то все пять с лишним миллионов новобрачных в обязательном порядке должны быть информированы о проблеме «пьяного зачатия», должны четко себе представить, что их ожидает, если в день, когда мечтают о ребенке, они выпьют хотя бы рюмку спиртного. Они должны твердо усвоить своеобразное табу. Думаю, вряд ли найдется такой человек, который, зная о том, что нарушение табу непременно (в ста процентах случаев) приведет к рождению неполноценного ребенка, ничего не предпримет для предотвращения неминуемой беды. Все хотят иметь здоровых детей. Никто не хочет горя себе и своему ребенку.

Врач, о котором здесь шла речь, рассказывал, как в 1948 году вся его семья погибла во время ашхабадского землетрясения. Был он тогда юношей. Сам уцелел чудом в ту страшную ночь. Рассказывал о том, как такие же, как и он, чудом уцелевшие, стиснув зубы, переносили горе. Они громко не рыдали. «Плакали молча». Они сознавали, что винить некого. Стихия. Катастрофа... «А тут, — говорил врач, — совсем другое дело. Есть виновный, и виновный этот — ты сам. Дети родились уродами, а ты теперь оправдываешь себя тем, что ничего не знал. Там, в Ашхабаде, действительно некого было винить. А тут трагедия, которой могло бы не быть. Могло бы не быть, но...»

Мой собеседник не закончил фразы. И нет надобности мне домысливать за него. Все и так понятно. Что-то нужно делать, чтобы «но» наконец исчезло. Не исследовать, не писать, а делать!